

**КОНРАД
ЛОРЕНЦ**

**КОНРАД
ЛОРЕНЦ**

**ОБОРОТНАЯ
СТОРОНА
ЗЕРКАЛА**

Издательство АСТ
Москва

УДК 159.9
ББК 88.3
Л178

«Наука: открытия и первооткрыватели»

Konrad Lorenz

DIE RUCKSEITE DES SPIEGELS
DIE ACHT TODSUNDEN DER ZIVILISIERTEN
MENSCHHEIT

Перевод с немецкого *А.И. Федорова*
под редакцией *А.В. Гладкого*

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В.А. Воронина

Печатается с разрешения издательства Piper Verlag GmbH.

Лоренц, Конрад.

Л178 Обратная сторона зеркала. Восемь смертных грехов
цивилизованного человечества : [сборник] / Конрад Ло-
ренц ; [пер. с нем. А.И. Федорова]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2019. — 480 с. — (Наука: открытия и первоот-
крыватели).

ISBN 978-5-17-107957-4

В сборник включены две работы Конрада Лоренца — «Обратная сторона зеркала» и «Восемь смертных грехов цивилизованного челове-чества».

В первой знаменитый этолог рассматривает природу познания с точки зрения биологии, философии и психологии и в результате пред-лагает нам совершенно неожиданный взгляд на природу познаватель-ной способности всех живых организмов, включая человека и самые примитивные формы жизни, — способности, полностью определяю-щей логику их существования, развития и взаимодействия друг с дру-гом и с внешним миром.

Вторая работа, написанная на основе популярных лекций на Вен-ском радио, рисует нам совершенно другой образ Лоренца — филосо-фа, страстно увлеченного насущными социальными, политическими и культурными проблемами современного общества — от перенаселения до «одинокости в городе», от конкуренции в бизнесе до вечного проти-востояния «отцов и детей».

УДК 159.9
ББК 88.3

© Piper Verlag GmbH, München/Berlin, 1973

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-107957-4

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ЗЕРКАЛА

Перевод с немецкого *А. И. Федорова*

Под редакцией *А. В. Гладкого*

Примечания *А. И. Федорова* и *А. В. Гладкого*

*Посвящается воспоминаниям о Кёнигсберге,
а также моим кёнигсбергским друзьям,
прежде всего Отто Кёлеру
и Эдуарду Баумгартену.*

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЛЕГОМЕНЫ*

War nicht das Auge sonnenhaft,
die Sonne könnte es nie erblicken¹.

Gëme

1. Постановка вопроса

«Краеугольным камнем научного метода является постулат объективности природы» (“La pierre angulaire de la methode scientifique est le postulat de l’objectivité e la nature”), — говорит Жак Моно в своей знаменитой книге «Случай и необходимость» (*Le Hasard et la Necessité*). Далее он пишет, что к достоянию философской мысли, существовавшему ещё до Декарта и Галилея, «должна была прибавиться строгая цензура, налагаемая постулатом объективности» (“il fallait encore l’austère censure posée par le postulat d’objectivité”).

Необходимо уяснить себе, что в этих фразах заключены *два* постулата, один из которых относится к предмету исследования, а другой касается исследователя. Во-первых, чтобы исследование вообще имело какой-нибудь смысл, необходимо, само собой, постулировать реальное существование того, что мы хотим исследовать. Но, во-вторых, есть и другое требование, предъявляемое к исследователю, и сформулировать его отнюдь не легко. В противном случае мне незачем было бы писать эту книгу.

* Звёздочками в тексте обозначены отсылки к примечаниям, помещённым в конце книги. Все постраничные примечания принадлежат переводчику.

¹ Дословный перевод:

Если бы глаз не был подобен солнцу,
Он никогда не смог бы его увидеть.

Это требование основано на гносеологической предпосылке, приемлемой далеко не для всех мыслителей гуманитарного направления, хотя для биологически мыслящего учёного она самоочевидна. Предпосылка эта состоит в допущении, что всё человеческое познание возникает из процесса *взаимодействия*, в котором человек, как вполне *реальная* и *активная* живая система и как познающий *субъект*, сталкивается с фактами столь же реального внешнего мира, составляющими *объект* его познания.

Происхождение слов «субъект» и «объект» удивительно и может привести к недоразумению; об их неясности свидетельствует уже то обстоятельство, что значения их со времён схоластики поменялись местами. В английском языке слово *subject* ещё и теперь нередко употребляется в смысле немецкого *Objekt*, т. е. в качестве обозначения подопытного животного или подопытного человека. В нашем языке, согласно философскому словарю Эйслера (Eisler. *Handwörterbuch der Philosophie*), слово *Subjekt* означает «переживающее, воображающее, мыслящее и желающее существо, в противоположность объектам переживания, познания, действия». В буквальном переводе *subjectum* означает «подброшенное»* — в смысле первичной основы, на которой строится весь наш мир. Лейбниц отождествляет субъект с «самой душой», *l'âme me*.

Всё, что мы вообще можем узнать, равно как и все наши мысли и желания — а значит, и всё, что мы знаем об окружающей нас внесубъективной действительности, — строится на переживаниях субъекта. Рефлектирующее познание собственного бытия, выраженное Декартом в словах *cogito ergo sum* («я мыслю, следовательно, я существую»), и по сей день менее всего подлежит сомнению, несмотря на выведенные из него ложные, субъективно-идеалистические следствия, опровержению которых посвящена значительная часть этой книги.

Познание, мышление, желание, как и предшествующее им восприятие, суть виды *деятельности*. Поразительно,

что наш немецкий язык, обычно столь чувствительный ко всем глубоким психологическим связям, не смог найти лучшего обозначения для самого активного и в наибольшей степени связанного с настоящим моментом из всего, что есть на свете, чем *das Subjekt* — *participium perfecti*, причастие прошедшего времени, и к тому же ещё страдательное и среднего рода!¹

Каким образом получилось, что именно от слова *Subjekt*, означающего основу всякого переживания, постижения и знания, произошло прилагательное «субъективный» (*subjektiv*), объясняемое в Большом словаре Брокгауза как «предубеждённый, предвзятый, зависящий от случайных оценок»? И откуда взялось дополнительное слово «объективный», явно противостоящее этой низкой оценке субъективного, слово, имеющее столь одобрительный смысл в нашем повседневном языке и означающее «деловой, дельный»?*

Вторжение этих оценок в повседневный язык свидетельствует о широком распространении некоторого мнения об отношении между познающим субъектом и объектом познания; мнение это, обычно необдуманное, поддаётся, однако, чёткому определению. Каждый может легко убедиться, что наряду с функциями познания внешних данных в нас разыгрываются и другие процессы, что в нашем Я сменяются самые различные накладывающиеся друг на друга переживания, исходящие изнутри или извне. Каждый из нас в какой-то мере умеет учитывать и компенсировать влияние внутренних состояний на познание внешних данных. Допустим, я вхожу в комнату с мороза и прикладываю руку к щеке внука. Сначала она кажется мне горячей, но я вовсе не думаю, что ребёнок заболел, по-

¹ *Das Subjekt* (нем.) — существительное среднего рода; латинское причастие *subjectum* (подброшенное, подложенное) — также среднего рода. Приведённые в подлиннике немецкие термины *passives* и *von sächlichem Geschlecht* (буквально — «пассивное», «вещного рода») ясно выражают парадокс; в переводе этот эффект теряется.

тому что знаю, каким образом восприятие теплоты зависит от собственной температуры пробующей руки.

Этот пример из повседневной жизни хорошо иллюстрирует нашу способность, имеющую фундаментальное значение для познания внесубъективной действительности. Эта способность приближает наше познание к тому, что существует само по себе, *учитывая внутренние процессы и состояния переживающего субъекта*. И каждый раз, когда нам удаётся свести некоторую часть переживания к внутренним, «субъективным» процессам или состояниям, исключив её тем самым из рассмотрения внесубъективной действительности, мы на какой-то шаг приближаемся к тому, что существует независимо от нашего познания.

Из таких шагов складывается у нас вся картина «объективной» действительности. Переживаемый нами предметный мир, расчленённый на объекты, возникает лишь путём абстракции, отвлечения от «субъективного» и случайного. В конечном счёте верить в реальность предметов заставляет нас именно *постоянство*, с которым определённые внешние воздействия повторяются в нашем переживании, всегда одновременно и всегда в одних и тех же закономерных отношениях друг к другу, вопреки всем изменениям условий восприятия и внутренних состояний нашего Я. Именно неподверженность влиянию «субъективного» и случайного побуждает нас считать такие группы явлений воздействиями некоторой реальности, существующей независимо от всякого познания, и как раз *по* этим свойственным ей способам воздействия, по её «свойствам» мы узнаём эту реальность как один и тот же объект. Поэтому я обозначаю такую абстрагирующую деятельность словом *объективировать* (*objektiveren*), а вызываемый ею когнитивный* акт — «объективацией» (*Objektivation*).

Среди философов, чуждых биологическому мышлению, широко распространено заблуждение, будто освободиться от всего личного, субъективного, от односторонних позиций, предубеждений, аффектов и т. д. и возвыситься

до уровня объективных суждений и оценок позволяет нам одна лишь «воля к объективности». На самом деле для этого *необходимо естественно-научное понимание когнитивных процессов, происходящих внутри познающего субъекта*. Процесс познания и свойства объекта познания можно изучать лишь совместно. Как говорит П. У. Бриджмен в статье, посвящённой гносеологической позиции Нильса Бора, “the object of knowledge and instrument of knowledge cannot legitimately be separated, but must be taken together as one whole”¹. Требование объективности, столь выразительно подчеркнутое Моно, никогда не может быть выполнено *во всём его объёме*, но лишь в той мере, в какой нам, естествоиспытателям, удаётся понять взаимодействие между познающим субъектом и познаваемым объектом.

Наука, стремящаяся понять человека и его способность к познанию с естественно-научных позиций, должна руководствоваться требованием, которое столь чётко сформулировал Бриджмен. В этой книге я попытаюсь показать, как далеко мы можем продвинуться по этому пути при нынешнем скромном состоянии наших знаний. Познавательная способность человека подлежит такому же изучению, как и другие его способности, возникшие в ходе эволюции и служащие сохранению вида: она должна изучаться как функция некоторой реальной системы, возникшей естественным путём и взаимодействующей со столь же реальным внешним миром.

Лежащее в основе наших рассмотрений допущение, что познающий субъект и познаваемый объект в одном и том же смысле реальны, неявно содержит в себе другую, столь же важную предпосылку: мы убеждены, что всё отражающееся в нашем субъективном переживании самым тесным образом сплетено с физиологическими процессами, поддающимися объективному исследованию, и основывается на них, более того — таинственным образом тождественно

¹ «Неправомерно отделять друг от друга объект познания и орудие познания, их следует рассматривать вместе, как единое целое» (англ.).

с ними. Такая позиция в отношении так называемой психофизической проблемы представляется нам естественной, хотя многие философы её не разделяют. В самом деле, даже неискушённый человек, говоря, что его друг Х только что вошёл в комнату, имеет в виду не только его переживающий субъект и также его объективно наблюдаемую телесность, но, безусловно, то и другое как единое целое. Поэтому мне представляется само собой разумеющимся, что те физиологические процессы, которые с объективной точки зрения вводят в живую систему человека и накапливают в ней информацию о внешнем мире, и те субъективные явления, которые мы переживаем как познание и знание, необходимо исследовать совместно. Наша убеждённость в единстве живущего и переживающего субъекта даёт нам право рассматривать физиологию и феноменологию* как равноправные источники знания.

Исследование, исходящее из этих предпосылок, неизбежно должно преследовать сразу две цели: необходимо попытаться основать некоторую теорию познания на биологическом знании о человеке и знании его происхождения и одновременно составить образ человека, соответствующий этой теории познания. Это будет не что иное, как попытка сделать человеческий дух предметом естественно-научного изучения — предприятие, которое покажется многим гуманитарным учёным едва ли не кощунством или по меньшей мере «биологизмом», выходящим за пределы компетенции естествознания. На это можно возразить, что понимание механизма физиологических функций, достигнутое методами естествознания, никоим образом не умаляет ценности высочайших достижений, основанных на этих функциях. Надеюсь, что мне удастся показать даже антропологам философского склада, неблагосклонно относящимся к биологии и эволюционной теории, сколь беспримерными представляются специфически человеческие свойства и способности человека именно с точки зрения естествоиспытателя, рассматривающего их

как результат естественного творческого процесса. С этой целью и написана настоящая книга.

Требование естественно-научного изучения познающего субъекта мотивируется не только аргументами, вытекающими из постулата объективирования нашего познания. Оно, несомненно, должно быть принято также по практическим и прежде всего по *этическим* соображениям.

Сущность того, что называется человеческим *духом*, составляет сверхличное единство познания, умения и желания, возникающее из способности человека умножать знание путём традиции. Но и это высочайшее единство является и остаётся *живой системой*, основанной и построенной на более простых проявлениях жизни. И как бы ни возвышалась эта система над всеми другими нам известными, она разделяет с ними их неизбежную судьбу: как и все живые системы, человеческий дух и вместе с ним человеческая культура подвержены *расстройствам*. Они могут *заболеть*. Поэтому естественно-научный образ человека нужен не только исследователю: по другим причинам, но ещё более настоятельно он необходим врачу.

Первым, кто осознал, что культуры всегда приходят в упадок и гибнут, когда достигают стадии высокой культуры, был Освальд Шпенглер. Как историк он полагал, что в разложении каждой высокой культуры, в том числе и нашей, повинны некая фатальная «логика времени» и неотвратимый процесс старения. Но если посмотреть на упадок нашей культуры — сейчас гораздо более заметный — с точки зрения этолога и врача, то даже при невысоком уровне нынешних знаний можно увидеть ряд расстройств, имеющих явно *патологический* характер.

Изучение болезней нашей культуры необходимо не только потому, что оно даёт какую-то надежду своевременно найти способы её излечения, но и потому, что этого требует методика исследования причинных связей. Дело в том, что патологическое расстройство отнюдь не является препятствием для изучения поражённой им системы;

напротив, оно очень часто доставляет ключ к пониманию её работы. Примеров такого рода много в истории медицины, а в физиологии намеренное провоцирование расстройств есть один из общепринятых и плодотворных методов исследования.

В первоначальном наброске этой книги лишь одна, последняя глава была посвящена явлениям упадка в нашей культуре — «болезням человеческого духа». Через несколько лет мне пришлось пересмотреть свою оценку важности этих болезненных явлений — и это можно счесть симптомом стремительного изменения, происходящего сейчас с человечеством. Поэтому глава превратилась в целый том*. Между тем я включил в юбилейный сборник, посвящённый моему другу Эдуарду Баумгартену, небольшую работу «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества»; неожиданно широкий отклик, вызванный ею, также способствовал расширению моего первоначального замысла.

2. Гносеологическая позиция естествоиспытателя, или «Гипотетический реализм»

Для естествоиспытателя человек — живое существо, получившее свои свойства и способности, в том числе высокую способность к познанию, в результате эволюции — длившегося в течение целых геологических эпох процесса становления, в котором все организмы сталкивались с условиями действительности и, как мы обычно говорим, *приспосабливались* к ним. Эта эволюция есть процесс *познания*, потому что любое «приспособление» к определённым условиям внешнего мира означает, что органическая система получает некоторое количество «информации об» этих условиях.

Уже в морфогенезе — в развитии строения тела — возникают *образы* внешнего мира: плавники рыбы и её способ

движения отражают гидродинамические свойства воды, которыми вода обладает независимо от того, загребают ли её плавники. Как правильно усмотрел Гёте, глаз является отображением солнца и физических свойств света, не зависящих от того, видят ли этот свет какие-нибудь глаза. Точно так же и *поведение* животного и человека является образом окружающего мира, поскольку приспособлено к нему. Устройство органов чувств и центральной нервной системы позволяет живым существам получать сведения об определённых существенных для них условиях внешнего мира и реагировать на них так, чтобы сохранялась их жизнь. Это видно уже в реакции избегания инфузории-туфельки, *Paramecium*: столкнувшись с препятствием, она немного отплывает назад, а затем снова плывёт вперёд, но в другом, случайном направлении, так что её «*знание*» о внешнем мире можно считать в буквальном смысле «объективным». В самом деле, *objicere* значит «бросать навстречу»: объект — это то, что брошено навстречу нашему движению вперёд, то непреодолимое, на что мы наталкиваемся. Парамеция «знает» об этом объекте лишь одно — что он не допускает дальнейшего движения в прежнем направлении. Это «познание» выдерживает критику, которую мы можем предъявить с точки зрения нашей гораздо более сложной и подробной картины мира. Мы часто могли бы, вероятно, указывать инфузории более выгодные направления, чем выбранное ею наугад, но то, *что* она «знает», безусловно верно: двигаться прямо в самом деле невозможно!

Мы, люди, обязаны всем, что знаем о реальном мире, где мы живём, эволюционно возникшему аппарату получения информации, сообщаемому нам существенные для нас сведения; и хотя этот аппарат несравненно сложнее того, который вызывает реакцию избегания у туфельки, в его основе лежат те же принципы. Ничто могущее быть предметом естествознания не познаётся иным путём.

Отсюда видно, что мы рассматриваем человеческую способность к познанию действительности иначе, чем это